

О ВЗЯТИИ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

20 октября 1917 года в Кронштадте получены были сведения, что состоялось постановление ЦК партии большевиков о выступлении против Временного правительства. Было созвано экстренное заседание Кронштадтского исполкома, на котором постановили: избрать двух товарищей для посылки в Петроград в ЦК, выяснить, в какой мере Кронштадт может принять участие в выступлении. На этом же заседании была выделена комиссия для выявления численности могущего выступить гарнизона.

21 октября выделенные товарищи выехали в Петроград, где им сообщили, что в данный момент выступать не следует, но необходимо быть наготове.

22 октября Кронштадтским Советом было принято воззвание от имени кронштадтских рабочих и гарнизона к петроградским рабочим и гарнизону Петрограда — выступить совместно с кронштадтскими рабочими и гарнизоном против Временного правительства.

23 октября из Петрограда получены были сведения о полной подготовленности к выступлению против Временного правительства, а также и о лихорадочной подготовке Временного правительства, формирующего свои верные части и юнкеров.

24 октября весь кронштадтский гарнизон рвется в последний и решительный бой. Из Петрограда стали поступать сведения, что все мосты заняты юнкерами и разведены. От Военно-революционного комитета был получен приказ выступить. По получении приказа исполком наметил следующий план действия: были выделены ударные части, погружены на минный заградитель «Амур», который должен был отправиться к Зимнему дворцу в Петроград. Линейный корабль «Заря свободы» должен был выйти в канал для обстрела правительственных войск; если будет передвижение в Петроград, он должен был погрузить и отправить снаряды в Петроград для «Авроры». Был назначен морской революционный штаб, который должен был отправиться на «Амуре»...

25 октября, рано утром, минный заградитель «Амур» погрузил десант из матросов 1-го Балтийского флотского экипажа, машинной школы и отправился в Петроград, чтобы сменить Временное буржуазное правительство на постоянное рабоче-крестьянское.

Войдя в устье Невы, на «Амуре» подняли боевой флаг; горнист заиграл тревогу, команда стала на свои боевые места. Настроение как у команды «Амура», так и у кронштадтских матросов было бодрое, была полная уверенность в своих силах и победе.

Пройдя мимо Балтийского судостроительного завода со строящимися гигантами дредноутами, «Амур», приветствуемый рабочими завода, подошел к крейсеру «Аврора», стоявшему на Неве, где команда была вся в сборе на палубе. Под звуки музыки и под крики «ура» «Амур» прошел мимо «Авроры» и, не доходя Чугунного моста¹, отдал якорь. Через несколько времени на «Амур» прибыл член Военно-революционного комитета тов. Антонов-Овсеенко — старый знакомый морякам по Гельсингфорсу. Устроили заседание штаба с судовым комитетом, где тов. Антонов-Овсеенко кратко информировал о положении в Петрограде, сообщил, какие части присоединились к революционному комитету, после чего приступили к выработке плана участия прибывших в наступлении на Зимний дворец. «Амур» хотели подвести под самый Зимний дворец и в случае, если Временное правительство не будет сдаваться, бить из орудий в упор.

При сильном течении через мост судно провести оказалось очень трудно, и решили оставить «Амур» там, где он остановился. В случае надобности решили обстрел производить перекидным огнем, шрапнелью, тут же вычислили расстояние. За мост пропустили два прибывших миноносца.

Часа в 3—4 вечера Военно-революционным комитетом было предложено выделить с «Авроры» и «Амура» по одному надежному товарищу для связи с Петропавловской крепостью и послышки их парламентарями к Временному правительству. От «Амура» был командирован я. Срочно был спущен на воду катер, поставлен на нем пулемет, и я отправился в Петропавловскую крепость. Немного не доходя до Зимнего дворца, мы были обстреляны из пулемета от Зимнего; стоявший у пулемета тов. Иванов был легко ранен в руку. На стрельбу мы ответили стрельбой. Зайдя в канал к воротам Петропавловской крепости, катер подойти к ней не мог из-за мели, и в крепость я вошел через окно², куда меня принял комиссар крепости тов. Благодрагов. По прибытии в крепость я увидел, что и там все были готовы к наступлению.

После моего прибытия в крепость вскоре приехал тов. Антонов-Овсеенко, и началось совещание, в котором участвовали товарищи Благодрагов, Антонов-Овсеенко, Тарасов-Родионов, Поппель, Павлов, товарищи с «Авроры», я и другие товарищи, фамилий которых не помню. Опять обсуждали план захвата Зимнего. План заключался в следующем. В 6¹/₂ часа вечера должен был быть наполовину поднят флаг на Петропавловской крепости. В это время части, верные революции, должны были при-

¹ Имеется в виду Николаевский мост. *Ред.*

² Так в подлиннике. *Ред.*

готовиться к наступлению, вместе с тем должны были быть посланы к Временному правительству с ультиматумом следующего содержания: Временному правительству предлагалось сложить свои полномочия, и если в течение 20 минут оно не сложит полномочий, то предлагалось ему эвакуировать находящийся во дворце лазарет, а в случае неполучения ответа в указанный срок на Зимний дворец должны были быть направлены орудия Петропавловской крепости и судов. В 7 часов флаг должен был быть поднят до конца, что означало наступление.

Мы были связаны с крейсером «Аврора», с заградителем «Амур». У нас в Петропавловской крепости в гарнизоне было около 40 пулеметчиков. В воинских частях было около 4 тысяч надежных товарищей: пулеметный батальон Кольта, две самокатные роты — 1-я и 3-я — и пехотная команда артиллерийского склада и около тысячи было под сомнением. Мы могли очень многих вооружить, потому что в наших руках был Кронверкский арсенал, из которого мы снабжали оружием рабочих. В особенности перед взятием Зимнего дворца очень много оружия выдавали заводам.

На совещании распределили роли участников совещания: товарищам Антонову-Овсеенко и Благоднарову поручено было общее руководство наступлением; товарищам Тарасову-Родионову и Павлову — командование крепостной артиллерией, которая состояла из трех или четырех орудий, поставленных на мысу у Петропавловской крепости и наведенных на Зимний дворец; тов. Поппелю — командование цепью, которая должна была залечь у Петропавловки и обстреливать Зимний дворец; тов. Жендзян с пулеметами должен был занять горку, чтобы обеспечить тыл. Я и товарищи с «Авроры» должны были отправиться в Зимний с ультиматумом.

На совещании кто-то подал мысль, чтобы орудие поставить на стену Петропавловки. Павлов сказал, что где-то можно втащить. Пошли втаскивать орудие, но это не удалось.

Во время совещания стали прибывать большими партиями с заводов рабочие, которых начали вооружать из арсенала Петропавловки.

Только что закончилось совещание и приближалось время начала действий, как явились назначенные к орудиям артиллеристы и заявили, что они стрелять отказываются, так как орудия неисправны и из них стрелять нельзя: испорчены компрессоры. Тов. Антонов-Овсеенко был возмущен подобным положением дела. Было решено вызвать артиллеристов-моряков, а товарищи Антонов-Овсеенко и Благоднаров пошли проверять орудия. Пока они ходили, тов. Лашевич прислал двух моряков, которые заявили о согласии стрелять из любых орудий.

Во время заседания поступали сведения о присоединении новых и новых частей, также поступили сведения о присоединении моряков 2-го Балтийского флотского экипажа, который долгое время колебался и был нейтральным. В воинских частях у боль-

шинства настроение было революционное, и лишь в некоторых частях наблюдались колебания. Во 2-м Балтийском экипаже приблизительно до 4 часов было нейтральное настроение — ни за большевиков, ни за правительство. Но часа в четыре мы получили из Петропавловской крепости известие о том, что они к нам присоединились. И все время с четырех часов поступали сведения о новых и новых присоединениях к большевикам.

Вследствие отказа артиллеристов стрелять и в связи с обходом товарищами Антоновым-Овсеенко и Благодоровым назначенное к выступлению время истекло, и план действия немного пришлось изменить.

Временному правительству попытались передать ультиматум по телефону, но на вызов Зимний не ответил. Чтобы не упустить время, решили послать его с самокатчиками. Через некоторое время самокатчики вернулись с сообщением, что штаб округа сдался, а в Зимний ультиматум передать не могли, — там его не приняли. Тов. Антонов-Овсеенко собрался выехать в штаб округа принимать дела, но мы настояли на том, чтобы он оставался, а поехал я, так как у нас не было уверенности, что штаб сдался так легко. Приехав в штаб, я увидел, что сдача дел штабом подходит к концу. Я сразу вернулся в крепость за тов. Антоновым-Овсеенко, и вместе с ним и с тов. Павловым поехали опять в штаб. По прибытии туда мы членов штаба на месте не застали; солдаты и красногвардейцы разбирали и просматривали в шкафах штабные бумаги.

Как только вошли в помещение штаба округа, тов. Антонов-Овсеенко сел за стол писать второй ультиматум Временному правительству, приблизительно следующего содержания: штаб округа сдался, Зимний окружен революционными войсками и, если в течение 20 минут Временное правительство не сложит свои полномочия и не сдастся, по дворцу будет открыт огонь с судов и из Петропавловской крепости, и все будут сметены вместе с дворцом. Когда он написал ультиматум и стал передавать мне, чтобы я снес его и предъявил Временному правительству, я ему заметил, что нет печати Военно-революционного комитета, на что он сказал: «Меня хорошо знают и по подписи». С ультиматумом отправились я и Павлов; Павлов остался на середине площади, между штабом округа и дворцом, чтобы обоим не гибнуть, — настроение было такое: живыми от юнкеров не вернемся и в случае, если одного расстреляют, другой может сообщить в крепость. Подходя к баррикадам, поленицам березовых дров, которыми был окружен Зимний дворец с площади, я услышал за баррикадами гул голосов. Раздался оклик: «Стойте! Кто идет?» Несколько солдат направили на меня винтовки с баррикад. Я ответил: «Иду от революционного комитета парламентаром к Временному правительству с пакетом, и пакет нужно передать лично». Солдаты стали звать офицера; подошел офицер и предложил передать пакет ему. Я ответил, что по поручению Военно-револю-

ционного комитета пакет должен передать лично Временному правительству и сейчас же должен получить ответ. Он грубо ответил: «Давай и не разговаривай, иначе будешь расстрелян!» Я заявил ему, что в этом не сомневаюсь, а пакет передать ему не могу. Он тогда понизил голос и сказал: «Пакет я передам Временному правительству сейчас, а ты отбегай, а за ответом позовем через десять минут».

Мне ничего не оставалось делать, как отдать, а в голове мелькнуло: «Сейчас, подлецы, в спину расстреляют». Отдав пакет, я отошел от баррикад и подошел к Павлову. Минут десять поговорили, за ответом не зовут, я решил вернуться к Зимнему за ответом. Я не дошел двух шагов до баррикад, как со стороны Морской началась стрельба. Со всех концов Зимнего на стрельбу ответили из пулеметов и винтовок, из-за баррикад правительственными войсками был дан ружейный залп по штабу округа, и вышла цепь. Я сразу лег у баррикад. У красногвардейцев, стоявших возле штаба округа, произошло замешательство: некоторые бросились в подъезд, часть столпилась у подъездов, часть разбежалась за угол, и на огонь из Зимнего от штаба округа ответили беспорядочной стрельбой.

Под свист пуль с двух сторон я шагов двадцать отполз и кружным путем побежал в крепость сообщить, что началось наступление на Зимний и необходимо открыть огонь. Прибежав к мосту, я услышал стрельбу орудий из крепости холостыми и сразу же второй залп боевыми и звон разбитых окон в Зимнем дворце. Вскоре же слышались два выстрела холостыми зарядами с «Авроры».

Впоследствии у обывательщины Петрограда и у соглашателей было много разговоров о расстреле с «Авроры» мирных жителей, была и вторая версия, исходящая из советских кругов, что с «Авроры» отбили у Зимнего дворца угол. Но и то и другое было неверно. В Зимний дворец действительно два раза попали снаряды из Петропавловской крепости: один — в зал заседаний, а второй — в угол Зимнего дворца. «Аврора» при всем желании не могла отбить угол, не разбив по пути домов, стоящих рядом с Зимним. Помнится, еще не успели для «Авроры» привести вовремя баржу со снарядами из Кронштадта, на «Авроре» не было боевых снарядов, так как она находилась в ремонте, но если допустить, что снаряды доставили, то при всем желании по прямому углу стрелять было невозможно, перекидным же огнем отбить угол довольно трудно, а Петропавловка была почти в упор.

Помнится, что тогда среди товарищей были споры, нужно ли стрелять или не нужно, и Тарасов-Родионов говорил, что нужно начать стрельбу, а Павлов говорил, что рано, еще не время стрелять.

Прибыв в крепость, я встретил товарищей Благоднравова и Тарасова-Родионова, информировал их о положении и сказал, что удачно сделали нападение. <...> После нескольких минут раз-

говора я направился к Зимнему, который был окружен со всех сторон. Юнкера стали сдаваться, но при входе в Зимний женщины из «батальона смерти» стали бросать гранаты, по ним открыли стрельбу, они выбросили белый флаг, но, когда стали подходить ближе, они — гранатами. Несколько раз повторялась та же история.

Юнкеров, сдавшихся без оружия, стали отпускать по домам, захваченных с оружием в руках — направлять в Петропавловскую крепость, а женщин из «батальона смерти» — во 2-й флотский экипаж. В 12 часов ночи¹ дворец был взят революционными войсками, а вместе с дворцом пало и Временное правительство. Сразу же прибыл Антонов-Овсеенко, забрал бывших министров и под охраной моряков отправил их в крепость. По дороге в крепость, на мосту, у многих идущих навстречу процессии было поползновение, когда узнали, что ведут бывших министров, устроить им в Неве холодную ванну, и конвою стоило больших усилий удержать товарищей от такой «заботы» о министрах. По прибытии в крепость министры с мягких дворцовых кресел были посажены рядышком в рабочем клубе Монетного двора, где находился наш штаб; их усадили на деревянные солдатские скамеечки, но не для заседания, а для проверки, все ли благополучно прибыли. Антонов-Овсеенко, выйдя вперед на сцену, стал по списку делать поверку. Когда начал выкликать фамилии, они, жалкие, как ошипанные курицы, вставая, откликались на перекличку, точно солдаты на поверке, и только один, адмирал Вердеревский, отозвался «есть» — по-морскому. Министры были все налицо. Не оказалось только председателя, который удрал от петроградского пролетариата и солдат, — А. Ф. Керенского.

В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982, с. 259—266

---

¹ Временное правительство было арестовано в 2 часа 10 минут, в ночь на 26 октября 1917 г. *Ред.*